

# ПРЕДИСЛОВИЕ ПРИГЛАШЕННОГО РЕДАКТОРА

<https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2024.21-1.1>



## О диалоге с российским экономическим наследием<sup>1</sup>



Георгий Д. ГЛОВЕЛИ ✉ 

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,  
г. Москва, Российская Федерация*

*Институт экономики РАН, г. Москва, Российская Федерация*

**Для цитирования:** Гловели, Г. Д. (2024). О диалоге с российским экономическим наследием. *AlterEconomics*, 21(1), 1–5. <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2024.21-1.1>

## Revisiting Russia's Economic Legacy: A Dialogue and Engagement

George J. GLOVELI ✉ 

*National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation  
Institute of Economics of the RAS, Moscow, Russian Federation*

**For citation:** Gloveli, G. J. (2024). Revisiting Russia's Economic Legacy: A Dialogue and Engagement. *AlterEconomics*, 21(1), 1–5. <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2024.21-1.1>

Текущий год проходит под знаком 300-летнего юбилея Российской Академии наук, и российские экономисты не могли остаться в стороне, проведя 12–13 марта в Москве масштабную конференцию, посвященную этому памяtnому событию. Ученые из академических институтов наряду с представителями вузовской науки обсуждали как злободневные проблемы, обусловленные современными вызовами для страны, так и различные аспекты истории российской экономической науки в ее разнообразных ответвлениях.

Стоит самокритично признать, что панорамы русской экономической мысли мы пока не имеем. Отчасти, как, в общем-то, и в других современных науках, широта актуальных проблем заслоняет исследования прошлого при всей обычной почтительности к «преемственности». Однако есть причины, обусловленные историей самой российской экономической науки, которая, пожалуй, как никакая другая научная дисциплина в нашей стране, сталкивалась с разрывами этой самой преемственности, несла потери на многочисленных поворотах и в «порубках», которыми изобиловала история России на протяжении трех столетий. В мартирологе «репрессированной науки» советского века перечень экономистов наибольший. Но и прекращение репрессий не избавило от идеологического давления, ограничений и забвений, сужало возможности диалога как с мировой наукой, так и с национальным научным наследием, о чем свидетельствуют и статьи авторов предлагаемого тематического номера, посвященные выдающимся российским экономистам прошлого.

Отсюда — нерешенность проблемы национальной определенности российской экономической мысли, о чем говорил в своем выступлении на юбилейной конфе-

<sup>1</sup> © Гловели Г. Д. Текст. 2024.

ренции В. С. Автономов, занимающийся проблемами рецепции западных экономических теорий в России и спорадического влияния российских концепций на мировую экономическую мысль. К сожалению, инициированная на рубеже минувшего и нового столетий академиком Л. И. Абалкиным дискуссия о российской школе экономической мысли по сути дела закончилась ничем. Иного результата в те годы достигли, например, историко-физические исследования. Физик Вл. П. Визгин типизировал фигуры двух крупных московских ученых — «первейшего физика-философа» Н. А. Умова и «короля физического эксперимента» П. Н. Лебедева. Н. А. Умов продолжал линию, идущую от М. В. Ломоносова; ориентировался на национальное научное сообщество, но не был связан с какой-либо школой; подчеркивал преимущества целостного, синтетического описания явлений в противовес классическому раздроблению мира на элементы; был активным общественным деятелем (Визгин, 1997, с. 196)<sup>1</sup>. Именно с ним консультировался по поводу создания Общества содействия успехам опытных наук и их практических применений самый видный спонсор науки среди русских предпринимателей Х. С. Леденцов, выставка памяти которого проходила в феврале–марте этого года в Архиве РАН. П. Н. Лебедев же не «вдавался» в философию и общественную деятельность; ориентировался на мировое научное сообщество (принадлежал к школе известного немецкого физика А. Кундта); был виртуозным техником и совершил открытие, быстро получившее всемирное признание (если бы не преждевременная смерть, он, вероятно, стал бы первым русским физиком — лауреатом Нобелевской премии).

Таким образом, в «пространстве типов ученых» два выдающихся русских физика олицетворяли два полюса, или два фокуса эллипса; два противоположных и в то же время «взаимодополнительных» социокультурных типа. Другие деятели отечественной физики в большинстве случаев представляли собой комбинацию этих типов, но по мере включения русской науки в общемировое русло «большой науки» на передний план вышел «лебедевский» тип (Визгин, 2001, с. 47–49)<sup>2</sup>.

Если проводить параллели с «пространством типа ученых» в российской экономической науке, то картина будет «смазана» различными наслоениями от глубокого исторического отпечатка крепостного права до жесткого пресса марксистско-ленинской идеологии. Аналоги обоих указанных выше социокультурных типов будут сильно размыты. Социальная философия, политическая публицистика и утопические интенции влияли не только на «умовский» тип разностороннего исследователя, исходящего из целостного восприятия хозяйственной среды и ориентированного на общественную активность, но и на тип, который со значительными оговорками можно уподобить «лебедевскому» и который связан с развитием профессиональной техники экономического анализа.

Как отмечает в открывающей номер статье В. С. Автономов, начиная с 1890-х гг. можно говорить о достижении зрелости экономической наукой в России, когда она стала переходить от размытой экономической мысли к профессионализированному экономическому анализу в шумпетеровском смысле. Тогда же, кстати говоря, появился и первый очерк экономической науки в России, написанный М. И. Туган-Барановским для тома «Россия» Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона

<sup>1</sup> Визгин, Вл. П. (1997). Физика в Москве. *Москва научная* (с. 185–211). Москва: Янус-К.

<sup>2</sup> Визгин, Вл. П. (2001). Н. А. Умов и П. Н. Лебедев: социокультурный тип русского ученого-физика на рубеже XIX–XX веков. Отв. ред. Г. М. Идлис, *Исследования по истории физики и механики. 2000* (с. 35–50). Москва: Наука.

(Туган-Барановский, 1991, с. 851)<sup>1</sup>. Но критерии профессиональности историчны, и работы первого российского академика по разряду политической экономии и статистики Генриха Шторха, с которого начинал свой очерк М.И. Туган-Барановский и которому посвящена статья В.С. Автономова, были вполне профессиональны для первой половины XIX в. Более того, они не только соответствовали мировым политэкономическим стандартам того времени, но и анализировали проблемы (учение о внутренних благах и цивилизации), ставшие особо актуальными в контексте современных экономических теорий (например, теории человеческого капитала). И допустимо предположить, что Шторх пополнит ряды тех авторов (вроде Кантильона или Дюпюи), которые в ретроспективе из XXI в. представляются более значимыми для мировой экономической мысли, чем в XIX в.

Начавшийся переход российской экономической науки в самом конце XIX в. на стадию экономического анализа активизировал взаимодействие с западной экономической теорией, превращавшейся в то время в обновленную профессионализированную дисциплину, генерирующую свой собственный импульс (Blaug, 1985, p. 307)<sup>2</sup>. Вышеупомянутый М.И. Туган-Барановский, а позже Е.Е. Слуцкий и Н.Д. Кондратьев стали знаковыми фигурами на пути приближения «к общим тенденциям развития экономической науки всего мира» (Железнов, 2003, с. 297)<sup>3</sup>. Однако этот процесс был прерван в 1920-е гг. партийной «марксистско-ленинской» индоктринацией, трагически сказавшейся и на судьбе «неортодоксальных» идеологов русского марксизма, самый масштабный из которых тогда еще мог говорить на экономических дискуссиях в Коммунистической академии о «церковном перерождении» марксизма. Это был А.А. Богданов, чей «еретический» марксизм предопределил печальную судьбу его огромного научного наследия с «ядром» в виде тектологии — «всеобщей организационной науки». Универсальная системная концепция, на десятилетия опередившая появление на Западе общей теории систем, на родине снискала отрицательное «признание» за сходство с кибернетикой, когда та считалась «буржуазной лженаукой, формой современного механицизма». Это сходство не помогло, когда сменилась репутация кибернетики, провозглашенной теперь уже едва ли не главной наукой «на службе коммунизму». Лишь к концу XX в. знак признания тектологии сменился на положительный, хотя фальсификации наследия А.А. Богданова не прекращаются до сих пор (Богданов, 2023, с. 653–659)<sup>4</sup>.

А.А. Богданов был ученым синтетического типа, которого общественная активность привела на стезю революционной деятельности и «монистической утопии», и чьи недостатки действительно были продолжением его достоинств, как гласит пословица, а пословицы, по Богданову, — это «народная», или «национальная» тектология (Богданов, 2023, с. 193, 246)<sup>5</sup>. Он сочетал «пролетарский» классовый подход с глубокими раздумьями об угрозе милитаристского (атомного!) самоуничто-

<sup>1</sup> Туган-Барановский, М. И. (1991). *Экономическая наука. Россия. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона* (с. 851–854). Ленинград: Лениздат.

<sup>2</sup> Blaug, M. (1985). *Economic Theory in Retrospect*. Cambridge: Cambridge University Press.

<sup>3</sup> Железнов, В. Я. (2003). Россия. Под ред. М. Г. Покидченко, *Историки экономической мысли России* (с. 264–297). Москва: Наука.

<sup>4</sup> Богданов, А. А. (2023). *Тектология: Всеобщая организационная наука*. 7-е изд. Москва: ЛЕНАНД.

<sup>5</sup> Там же.

жения человечества и призывом к «сотрудничеству поколений» (Богданов, 1990, с. 204, 296–297, 425)<sup>1</sup>.

Публикуемая в номере статья Г.Б. Клейнера представляет собой интереснейший заочный диалог с А.А. Богдановым в свете актуальных задач современной науки о системах, в т. ч. экономических. На наш взгляд, особого внимания (и продолжения диалога!) заслуживает следующий вывод автора: «Применительно к концепциям системного мира А.А. Богданова и Л. фон Берталанфи „закон теоремы“ выглядит следующим образом: элементная концепция системы по Л. фон Берталанфи связана с процессной концепцией А. Богданова через средовую концепцию (аналог в экономике — концепция „невидимой руки рынка“ А. Смита) и (параллельно) через концепцию проектного развития (аналог в экономике — инновационная концепция предпринимательства Й. Шумпетера)».

В отличие от вселенского диапазона системных размышлений Г.Б. Клейнера статья одного из виднейших западных исследователей русской экономической мысли Н. Неновского (Nenovsky) посвящена гораздо более конкретной проблематике вклада российских экономистов бурного послереволюционного времени («военный коммунизм» и НЭП) в развитие денежной теории. Из забытых или полузабытых экономистов того времени, не утративших связи с мировой экономической наукой при анализе специфических проблем национальной экономики, Н. Неновский выделяет С.А. Фалькнера (1890–1938), разрабатывавшего теорию «эмиссионного хозяйства», сохраняющую интерес для современной денежной теории.

В.В. Новожилову, принадлежавшему к тому же поколению, что погибшие С.А. Фалькнер и Н.Д. Кондратьев, довелось пережить трагические «тридцать седьмые» годы, а на их исходе познакомиться с молодым, но уже именитым математиком Л.В. Канторовичем, искавшим применения своего математического гения и для решения экономических задач. Накануне Великой Отечественной войны Новожилов и Канторович организовали совместный семинар в Ленинградском Политехническом институте, а в 1950-е гг. возглавили «возрождение» экономико-математических исследований в стране (Белых, 2007, с. 126, 142)<sup>2</sup>. Причем опубликованные в 1959 г. большая работа В.В. Новожилова «Измерение затрат и результатов в социалистическом хозяйстве» и главный экономический труд Л.В. Канторовича «Экономический расчет наилучшего использования ресурсов» получили широкий отклик в западной экономической науке, стремительно математизировавшейся с 1930-х гг. Закрепившаяся за В.В. Новожиловым репутация выдающегося советского экономиста-математика основывается не только на его работах 1950–1960-х гг. Во время войны подготовлена, а сразу после войны опубликована статья по проблеме дефицитности ресурсов «Методы нахождения минимума затрат в социалистическом хозяйстве» (1946), а двадцатью годами ранее, при НЭП, вышла статья «Недостаток товаров» (1926). Однако в публикуемой в настоящем номере статье А.В. Ковалёва автор обосновывает другой взгляд на эту раннюю работу В.В. Новожилова. А именно — ее, как и в целом статьи Новожилова нэповского периода, резонно оценивать в контексте австрийской школы, и, таким образом, творчество «раннего Новожилова» осталось недописанной главой «австрийской» книги.

<sup>1</sup> Богданов, А. А. (1990). *Вопросы социализма: Работы разных лет*. Москва: Политиздат, 479.

<sup>2</sup> Белых, А. А. (2007). *История российских экономико-математических исследований: Первые сто лет*. Изд. 2-е, доп. Москва: Издательство ЛКИ, 237.

Новые важные штрихи к научной биографии крупнейшего российского экономиста-математика, лауреата премии имени А. Нобеля по экономике Л. В. Канторовича добавляет статья А. А. Белых, дополняющая его же известную монографию «История российских экономико-математических исследований». Автор особо останавливается на подтверждении первенства Канторовича в создании линейного программирования и соотношении его идей с марксистской экономической теорией.

Как и статья А. А. Белых о Л. В. Канторовиче, так и следующая за ней статья уральских авторов В. Л. Берсенёва и В. В. Сухих об А. Н. Ефимове, руководителе экономических исследований в Уральском филиале Академии наук СССР, весьма интересна с точки зрения социальной истории экономической науки советского периода. В. Л. Берсенёв и В. В. Сухих подробно рассматривают первые этапы научной биографии А. Н. Ефимова, будущего многолетнего директора НИИ Госплана СССР, на фоне эпохальных событий советской экономической истории: движение за научную организацию труда (НОТ) и такая его форма, как движение многостаночников; уникальный опыт эвакуации промышленных предприятий на восток во время Великой Отечественной войны и производственной кооперации заводов в легендарный уральский «Танкоград»; послевоенное создание новой промышленной базы, основанное на перспективах освоения минеральных богатств Северного Урала; новые процессы и явления, получившие обобщающие определения «научно-технический прогресс» и «научно-техническая революция».

Завершает тематическую подборку номера статья И. Э. Фролова об Ю. В. Яременко. Показав драматическую судьбу создателя концепции многоуровневой экономики, автор затем вступает в напряженный диалог с идеями своего героя, показывая, как их развитие, подразумевающее и конструктивную критику, способно расширить теоретические конструкции Ю. В. Яременко на всю глобальную экономику, как на гетерогенную иерархическую объективацию, в формировании которой особую роль играет технологическое лидерство. В заключение И. Э. Фролов солидаризуется с не раз высказанной Ю. В. Яременко позицией критического отношения к прямым теоретическим заимствованиям западных экономических теорий для описания и объяснения не только советской, но и постсоветской экономики. «Он любил повторять: «мы должны быть равны себе».

К этому можно лишь добавить: чтобы быть равными себе, мы должны уметь вести содержательный диалог с собственным научным наследием и осваивать его во избежание пресловутых «российских крайностей» — будь то поверхностное подведение отдельных элементов русской экономической мысли под новомодные теории или напыщенные рассуждения (с округлением до содержательного нуля) о какой-то особой и единой «гуманистической» традиции отечественной политико-экономической мысли. Воссоздание в историческом контексте различных «цепочек» хода российской экономической мысли и нахождение отдельных соединительных звеньев между ними будут способствовать продолжению того самого плодотворного диалога, в который вступили со своими героями авторы этого тематического выпуска журнала.

*С наилучшими пожеланиями,  
доктор экономических наук, профессор  
Г. Д. Гловели*